

Жизнь Лин Уцзю в застенках протекала мирно и, вопреки ожиданиям, была лишена горьких тягот.

Принимая во внимание пятьдесят фунтов, что всё ещё оставались в его распоряжении, и ожидаемые к весне выплаты от издательства за «Мечь Джека», юноша решил не изводить себя аскезой. Он не сорил деньгами направо и налево, но и не видел смысла в нарочитой скупости.

Пока кошелек не пустовал, Гай с готовностью избавлял его от любых бытовых неудобств, будь то еда или одежда. Можно было сказать, что за решёткой Лин Уцзю устроился даже с большим комфортом, чем в первые дни после своего загадочного перемещения в этот мир.

Его нынешний распорядок дня был образцом благопристойности.

Пробуждение ровно в семь, завтрак — в восемь. После трапезы следовала прогулка по тюремному двору: черноволосый юноша заводил беседы с сокамерниками, собирая крупицы историй для будущих романов, а заодно разминался, стараясь укрепить слабое здоровье. Хилое тело Лэнса Кавендиша вечно досаждало владельцу: малейший сквозняк оборачивался мигренью или лихорадкой. Тот всерьёз опасался, что если не приучит организм к движению, то попросту не дотянет до совершеннолетия.

Саймон навещал его дважды, придирчиво следя за скоростью работы над рукописью. Этим утром он явился вновь, и по сей день редактор не оставлял попыток высказать своё недовольство по поводу решения подопечного не возвращать долг. С порога он принялся ледяным тоном убеждать того вернуть деньги Майрону и покончить с этой враждой раз и навсегда.

— На сей раз тебе повезло: графиня Синтия Кэмпбелл оказала тебе услугу, и он не стал давить. Но это лишь временное затишье. Ты и вправду полагаешь, что стены тюрьмы станут для него преградой?

В глазах редактора на мгновение промелькнула тень; он украдкой бросил взгляд в сторону окна и понизил голос:

— Люди из Общества Черепа повсюду. И здесь тоже.

В ответ на это предостережение юноша лишь загадочно улыбнулся. Его взор, устремлённый куда-то в пустоту мимо оконного проёма, выдавал полное отсутствие интереса к чужим тревогам. С одного взгляда становилось ясно: слова гостя не достигли цели.

Тот вновь ощутил знакомый приступ бессилия.

«Опять он за своё, — сокрушался Саймон. — О чём только думает этот мальчишка? Неужели ему совсем не дорога собственная жизнь?»

— Не беспокойтесь так, господин Саймон, — лениво протянул юноша, словно угадав мысли собеседника. Его взгляд наконец обрел сосредоточенность. — Пока я сам не захочу расстаться с жизнью, никто не сможет меня убить.

Собеседник лишь тяжело вздохнул. Подобная беспечность граничила с безумием, а самоуверенность казалась чрезмерной. Судьба капризна и не терпит тех, кто мнит, будто способен диктовать ей свои условия. Кто может гарантировать, что жизнь его не оборвётся в любой момент?

— Тот охранник, что приносит тебе еду... Кажется, его зовут Гай? — Саймон потёр переносицу. — Как выяснилось, он земляк Моби, нашего рецензента из издательства. Тот лично просил Гая присмотреть за тобой. Если столкнёшься с бедой, которую не сможешь решить сам, передай через него весточку мне.

Лин Уцзю равнодушно кивнул, но вдруг замер. Его лицо приняло странное выражение.

— Земляк? — переспросил он. — Гай не из местных? Не из Санна?

— Нет, — покачал головой редактор. — Он из графства Бедфорд. С рецензентом они выросли на одной ферме. Правда, Моби — сын джентльмена, а Гай — сын простого пахаря.

Сын пахаря.

Гай изъяснялся на безупречном саннском диалекте, что ещё можно было списать на годы жизни в городе. Однако сын бедфордского крестьянина, который и понятия не имел о традиционном деревенском лакомстве — пироге «Волчья пасть»...

В Лин Уцзю вспыхнуло истинное любопытство. Подавшись вперёд, он с живым интересом спросил:

— И когда же Моби виделся с этим Гаем?

— Позавчера.

— После стольких лет разлуки Гай, должно быть, сильно изменился?

— Да, — подтвердил Саймон. — Моби потом сетовал, что его товарищ детства стал совсем другим человеком, почти неузнаваемым. Но тебе не о чем беспокоиться: отец охранника до сих пор трудится на ферме его семьи, так что он будет стараться ради тебя.

Улыбка Лин Уцзю стала шире.

— Разумеется. Уверен, мы с ним прекрасно поладим.

Как только редактор ушёл, юноша тоже поднялся с места. Тюремная скука начинала его тяготить, но теперь, кажется, намечалось нечто по-настоящему интересное.

Где же сейчас этот Гай?

Медленно подняв голову, Лин Уцзю устремил взор на громаду черной сторожевой башни.

«Неужели он и вправду в башне?»

***

— Посмотрите на неё! Всего лишь баба, а сколько спеси!

— Проклятье, на этот раз мы тебе покажем, где твоё место!

— Оказывается, и такие чудовища, как ты, умеют кровоточить! Каково это — получать сдачи, а? Ты и в кошмаре не могла представить, что отец Луи вернётся с того света, чтобы отомстить... Ха-ха, это божья кара!

Лин Уцзю бросил на шум мимолётный взгляд. Дела принимали скверный оборот. По крайней мере, для Иоланды.

Удача переменчива. Женщина-мясник, когда-то державшая в страхе всю тюрьму, теперь сама оказалась в кольце преследователей, ведомых отцом Исаака.

На ней не было живого места. Прижавшись к стене, она тяжело и часто дышала; лицо её пылало, на висках вздулись вены, а синеватое родимое пятно на щеке уродливо сморщилось.

— Какая дурнушка, вылитый демон из преисподней, — хихикнула Дженни. — Неужели её убьют? Было бы жаль.

— Почему это? — поинтересовался юноша.

— Её душа пропитана невероятной решимостью. Она погубила немало жизней, и теперь её окутывает аура бесконечной злобы... О, это так вкусно! Впрочем, неважно.

Девчушка похлопала себя по животу и сладко улыбнулась:

— Я только что съела бедолагу, так что пока не голодна.

Тело несчастного выбросили из тюрьмы несколько дней назад. Никто не знал, где его закопали; возможно, его постигла участь книжного Джека — его просто швырнули в реку. Взамен его отец, как и было обещано, восстал из мёртвых.

Облачённый в белоснежную рясу, отец Луи теперь с кротким видом увещевал Иоланду:

— Начни же каяться! Смиренная молитва — единственный путь. Господь милостив, он простит тебя.

Лин Уцзю перевёл взгляд на женщину.

Она крепко сжимала тесак. Сплюнув вязкую мокроту с примесью крови, Иоланда окинула врагов взглядом, в котором клокотала жажда убийства. В её молчании чувствовалась повадка старой волчицы, выжидающей момента для последнего броска.

В ответ на проповедь отца Луи она лишь грубо харкнула ему под ноги. Густой зеленоватый сгусток приземлился точно на чистую ткань его одеяния, оставив грязный след.

— Ты сама выбрала смерть! — взревел один из мстителей, готовый броситься в атаку, но отец Луи удержал его.

— Господь учил нас милосердию к врагам нашим, ибо творят они зло по неведению своему, — священник истово осенил себя кругом и понимающе улыбнулся. — Иоланда ранена, и наши старые счета можно считать закрытыми. Творец вернул меня к жизни, чтобы я наставил её на путь истинный. Если я погрязну в трясине мести, то предам его благодать.

— Отец Луи, вы святой человек!

— Самый преданный слуга Господа, которого я когда-либо встречал!

— Иоланда, живо падай на колени и проси у него прощения!

Женщина лишь презрительно хмыкнула. Размахивая тесаком, она заставила толпу расступиться и, припадая на одну ногу, скрылась в глубине коридора. Кровь из глубокой раны на бедре оставляла на полу четкий пунктир. Даже израненная и истекающая кровью, эта свирепая фигура внушала такой страх, что заключённые невольно вжимались в стены, давая ей дорогу.

Отец Луи заметил взгляд Лин Уцзю и приветливо улыбнулся.

— Дитя, Исаак рассказывал мне о тебе. Ты ведь новенький?

Он опустил глаза, и в его улыбке промелькнула тень скорби.

— Мой сын... Если у тебя найдётся минутка вечером, не мог бы ты навестить его могилу? Ему было бы очень приятно.

— Приятно? Сомневаюсь, — Лин Уцзю честно улыбнулся. — Мы виделись всего пару раз.

Развернувшись, он продолжил поиски Гая. Однако, обойдя все этажи тюрьмы, юноша так и не встретил охранника. Раньше тот возникал в самых неожиданных местах, а теперь словно растворился в воздухе.

«Неужели он и вправду в башне?»

Сторожевая башня была запретной зоной. Попасть туда обычным путём было невозможно. Лин Уцзю решил не пороть горячку и понаблюдать со стороны несколько дней. В конце концов, история с Гаем была лишь забавой, разминкой для ума, и не стоила того, чтобы жертвовать ради неё сном или работой.

***

Глубокая ночь.

Три алых луны то и дело скрывались в рваных тучах. Небо обещало быть ненастным.

Лучи прожекторов с башен мерно рассекали темноту, ощупывая каждый угол тюремного двора. В своей камере Лин Уцзю зажёл газовую лампу и склонился над столом. Ночные часы всегда были для него самыми продуктивными: тишина располагала к творчеству, а вдохновение текло свободным потоком.

В короткий миг отдыха он потёр виски и поднялся, чтобы размять затекшие мышцы. Краем глаза юноша уловил какое-то движение.

Это была та самая ворона.

Птица бесшумно устроилась на подоконнике и невинно уставилась на него своими бусинками-глазами. Лин Уцзю несколько секунд рассматривал незваного гостя, а затем перевёл взгляд на Дженни.

Малютка выглядела непривычно задумчивой.

— Ты тоже заметила? — спросил он.

Дженни вздрогнула и с удивлением посмотрела на него:

— И ты?!

— Очевидно же, — усмехнулся юноша.

Собеседница принялась пристально изучать Лин Уцзю, словно видела его впервые.

— Ты точно человек? Обычный смертный? Без капли магии или древней крови?

— Тебе ли не знать? — он развёл руками. — Ну и что планируешь делать?

— Делать? — Дженни на мгновение задумалась. — По большому счету, нам до этого нет дела. Пусть творит, что хочет.

«Творит? — в глазах Лин Уцзю блеснул огонёк интереса. — Кажется, мы говорим о совершенно разных вещах»

— А давай проследим за ним? Посмотрим, что он затеял, — вкрадчиво предложил он.

Дженни тут же надула губки:

— Ну уж нет! Столько хлопот... Я ещё ребёнок, мне нужно спать, иначе я никогда не вырасту!

Юноша понимающе улыбнулся.

— Знаешь, Джек уже в том возрасте, когда пора бы подумать о любви. Как считаешь, какие девушки ему нравятся?

Дженни замерла. Её лицо мгновенно потемнело, взгляд стал ледяным.

— Джек любит только меня! Мы созданы друг для друга! Нам суждено быть вместе до скончания веков!

— Ох, не будь так уверена. Сердце мужчины — потёмки, его чувства переменчивы, уж я-то

знаю, сам через это проходил.

Встретив яростный золотой взгляд девчушки, Лин Уцзю добавил с самой искренней миной:

— Я, кстати, знаю несколько любовных заклятий ведьм. Говорят, перед ними даже драконы бессильны. Хочешь, поделюсь? Адонис — личность весьма осведомлённая, он поведал мне немало интересного.

Дженни молчала.

Затем она спрыгнула на пол и улыбнулась так светло и невинно, точно маленький ангел, не знающий горя. Склонив голову набок, она лукаво произнесла:

— Ну хорошо. Идем, проследим за ним!

Она сделала паузу и добавила:

— Мне и самой любопытно, что же этот хитрец ищет здесь, притворяясь обычным тюремщиком!

<http://bllate.org/book/15857/1437537>